

Эта нелепая история доставила Тан Шэню немало хлопот и затянулась на целых два дня. Только когда владелец Терема Жуи лично пришел к нему, преподнес подарки и принес извинения, все наконец закончилось.

Яо Сань, глядя на лежащие на столе подношения, произнес:

— Молодой хозяин, этот господин У поступил довольно щедро, возместил нам немало вещей. Но ведь совершенно ясно, что все подстроил приказчик Ван, а сам так и не признался. Ну и негодяй же он.

— Это приказчик Ван все подстроил?

— А? — растерялся Яо Сань.

Тан Шэнь стоял у окна в отдельном кабинете на втором этаже Терема Сися. Опершись спиной о подоконник, он спокойным взглядом смотрел на разложенные на столе подарки. Туалетное мыло и Хуанцзиньлюй... Хм, и всё это товары из Павильона Чжэньбао!

— Брат Яо, неужели ты думаешь, что какой-то жалкий приказчик Ван осмелился бы сделать это сам? Настоящий зачинщик за всем этим — именно господин У.

— Что?! Будь он проклят! И мы еще приняли его подарки?! Я должен швырнуть их ему обратно!

— К чему это?

— Молодой хозяин?

Тан Шэнь повернулся и посмотрел на бурлящую жизнью улицу Суйцзинь. Солнце клонилось к закату, и торговцы на улице Суйцзинь один за другим зажигали фонари у своих прилавков. Обычные люди на этой длинной улице никогда не изменят свой уклад из-за чьей-то кончины. Точно так же и во всей управе Гусу: умри хоть Лян Сун, хоть сам император — они всё равно продолт жить своей привычной жизнью.

— За последние два года я делал простое мыло, туалетное мыло, изготавливал Хуанцзиньлюй. Я создал транспортную компанию, готовил Посягун. Сколько людей в управе Гусу исходили завистью к моему делу, но никто из них так и не решился покуситься на него. Простым мылом занималась семья Тан, поскольку оно продавалось в Павильоне Чжэньбао. Но Транспортная компания Тан и Терем Сися принадлежат только мне одному.

— Пока учитель был жив, они не смели чинить мне препятствия.

— Стоило учителю уйти, как они, подобно голодным волкам, набросились всей стаей.

— Оказывается, учитель помогал мне во стольких вещах, о которых я даже не догадывался.

Яо Сань посмотрел на спину Тан Шэня и негромко позвал:

— Молодой хозяин...

В лучах закатного солнца фигура Тан Шэня казалась хрупкой и исхудавшей. Не поворачиваясь, он тихо произнес:

— Брат Яо, только сегодня я по-настоящему осознал, что учитель действительно покинул этот

мир.

— Молодой хозяин?..

— Учитель... действительно ушел...

Из его груди вырвался внезапный рык рыданий. Пусть в его теле жила душа двадцатилетнего мужчины, в это мгновение Тан Шэнь почувствовал, как из его груди вырвали огромный кусок. Там образовалась глухая, безмолвная пустота, которую он был не в силах вынести. Он громко разрыдался. В его плаче звучало отчаяние — он понимал, что ничего нельзя вернуть, и он совершенно бессилен.

Он вдруг со всей отчетливостью осознал: человек, который за эти два года относился к нему лучше всех, искреннее всех и был самым близким, действительно исчез навсегда.

С наступлением ночи Тан Шэнь, завернувшись в меховой плащ, вместе с Яо Санем отправился домой.

Едва переступив порог дома, он увидел во дворе того, кого здесь никак не ожидал встретить.

Тан Шэнь замер на мгновение, а затем подошел ближе:

— Юйчжи.

Сюй Хуэй посмотрел на покрасневшие глаза Тан Шэня и невольно спросил:

— Ты плакал?

В течение тех семи дней, пока бодрствовали у гроба Лян Суна и провожали его в последний путь, Тан Шэнь плакал меньше всех. Сюй Хуэй думал, что тот просто сдержан по природе или же его привязанность к Лян Суну не так сильна. В конце концов, они были учителем и учеником менее двух лет.

Тан Шэнь не стал скрывать:

— Вспомнил об учителе, и чувства взяли верх.

Сюй Хуэй на какое-то время замолчал.

Тан Шэнь спросил:

— Я думал, ты уже уехал к месту службы. Тебя ведь назначили уездным чиновником, почему ты все еще не отправился на должность?

Сюй Хуэй ответил:

— Я собирался уехать еще вчера, но, разбирая вещи Великого ученого Ляна, наткнулся на одну книгу. Прежде я ее никогда не видел. Похоже, это собранные им записки о нравах и обычаях Гусу. Я лишь единожды не сопровождал Великого ученого Ляна в поездке, и тогда он отправился вместе с тобой. Тебе известно, чья это книга?

Тан Шэнь взял книгу и взглянул на нее:

— И правда. Перед уездным экзаменом мы с учителем ездили в уезд Шачжоу, чтобы одолжить

ее. Я уже переписал эту книгу для себя и не ожидал, что учитель все-таки заберет ее с собой.

Сюй Хуэй сказал:

— Я хочу вернуть ее владельцу. Ты знаешь дорогу?

Тан Шэнь в общих чертах объяснил, как добраться.

Сюй Хуэй нахмурился:

— В уезде Шачжоу я никогда не бывал, и твои объяснения мне мало о чем говорят. Тан Шэнь, есть ли у тебя свободное время в ближайшие дни? Если ты свободен завтра, не мог бы ты съездить со мной в уезд Шачжоу, чтобы мы вместе вернули книгу владельцу?

— Хорошо, — ответил Тан Шэнь.

На следующий день Тан Шэнь и Сюй Хуэй отправились на север и прибыли в уезд Шачжоу. Немного поискав, они нашли дом Цзюйжэня Чжао.

Сюй Хуэй с книгой в руках уже собирался постучать, как вдруг изнутри донеслись приглушенные рыдания. Тан Шэнь и Сюй Хуэй переглянулись. Сюй Хуэй постучал в дверь. Им открыла женщина в белом траурном одеянии. При виде стоявших на пороге мужчин в ее глазах промелькнуло недоумение. Посмотрев вниз, она заметила, что нижние рубахи Тан Шэня и Сюй Хуэя были сшиты из белой холщовой ткани — они тоже носили траур.

Женщина спросила:

— Господа, позвольте узнать, кого вы ищете?

Тан Шэнь ответил:

— Мы пришли к Цзюйжэню Чжао. В это же время в прошлом году я вместе с Лян Бовэнем, Господином Ляном, приезжал в уезд Шачжоу, чтобы одолжить у Цзюйжэня Чжао книгу. Вот эту.

Сюй Хуэй почтительно протянул книгу обеими руками.

Из-за спины женщины вышел мужчина средних лет. Его глаза, как и у нее, покраснели и опухли от слез. Взяв книгу, он обратился к Тан Шэню:

— Я помню вас. Вы ученик Великого ученого Ляна. Слышал, что в прошлом году на начальном экзамене вы получили звание «сяосаньюань». К сожалению, вы опоздали — несколько дней назад мой отец ушел из жизни. Спасибо, что вернули книгу.

В комнате стоял гроб. Очевидно, мужчина и женщина только что оплакивали покойного, неся траурную вахту.

Тан Шэнь спросил:

— Позвольте нам войти и возжечь благовония в память о Цзюйжэне Чжао?

— Входите, прошу вас.

Тан Шэнь и Сюй Хуэй вошли в дом и зажгли по палочке благовоний перед поминальной

табличкой Цзюйжэня Чжао.

Сюй Хуэй спросил:

— Отчего скончался Цзюйжэнь Чжао?

Стоило ему произнести эти слова, как мужчина и женщина закрыли лица руками и горько разрыдались. Мужчина сквозь слезы проговорил:

— Мой отец повесился четыре дня назад! Я давно знал... Великий ученый Лян ушел, Ученый Ло ушел, столько великих ученых покинуло этот мир! Отец не хотел жить еще двадцать лет назад. Мы оберегали его как могли, но так и не уберегли — той ночью он тайком взял пеньковую веревку и повесился!

Тан Шэнь и Сюй Хуэй застыли на месте от потрясения.

Из сбивчивого рассказа мужчины они поняли, что Цзюйжэнь Чжао тоже, хоть и с натяжкой, принадлежал к Фракции Сунцин!

Двадцать шесть лет назад Фракцию Сунцин еще не называли так, и она не была сплоченной политической группировкой. Это было лишь молодое научное сообщество, в которое стремились все ученые мужи Поднебесной. Кто бы не пожелал вступить в нее, чтобы выразить свое почтение великим ученым страны? Цзюйжэню Чжао посчастливилось однажды побывать на литературном собрании Сунцин, и именно тогда он мельком встретился с Великим ученым Ляном.

После того как Великого ученого Чжуна заточили в императорскую тюрьму, чиновничья карьера Цзюйжэня Чжао рухнула. Его раз за разом подставляли недоброжелатели, и в конце концов он оказался в столь жалком положении, что был вынужден вернуться в родные края и кормиться крестьянским трудом.

Только теперь Тан Шэнь понял, почему Цзюйжэнь Чжао, будучи обладателем ученой степени цзюйжэня, жил в такой крайней нужде. Еще при первой встрече это показалось ему странным, но он и подумать не мог, какова правда на самом деле.

— Вся Поднебесная знает, что Великий ученый Чжун покинул этот мир, и семеро великих ученых последовали за ним. Но разве хоть кто-то в мире знает, что мой отец тоже ушел вслед за ними! — Мужчина зашелся в безутешном плаче, бясь лбом о пол. — Отец, какой же вы безрассудный! Как вы могли бросить меня и Хуэй-нян и уйти в одиночку?! Я ведь даже не успел позаботиться о вас на старости лет и проводить в последний путь!

Тан Шэню и Сюй Хуэю нечего было сказать в утешение. Они покинули дом семьи Чжао.

Сюй Хуэй тихо произнес:

— Кто знает, сколько еще людей по всей Поднебесной тихо оборвали свои жизни шелковой лентой там, где о них никто не ведает. Верность долгу и горячая кровь этих ученых мужей достойны вечной памяти в песнях и слезах.

Тан Шэнь приоткрыл рот, но так и не проронил ни слова, лишь крепко сжал кулаки.

«Учитель, вы считали, что это того стоит. Но неужели это действительно стоило того?!»

Когда они садились в повозку, чтобы уехать из уезда Шачжоу, Тан Шэнь вдали приметил гору Сяншань. Он вспомнил, как год назад они с Лян Суном приехали сюда и вдвоем поднимались на нее. Тан Шэнь сказал:

— Давай ненадолго остановимся. Юйчжи, я хочу подняться на ту гору. В прошлом году мы с учителем приезжали сюда и вместе ходили туда.

Сюй Хуэй ответил:

— Хорошо. Но у меня еще есть дела, я не смогу тебя ждать.

— Ничего страшного, я сам вернусь в управу Гусу.

Сюй Хуэй кивнул.

Тан Шэнь спустился с повозки и один направился к берегу горы Сяншань.

Миновав Персиковый ручей и тропу Цайсян, цепляясь за выступы скал, Тан Шэнь взобрался на вершину. Стоя на самом пике, он смотрел вниз на раскинувшиеся земли управы Гусу. Вдали поднимались дымки над крестьянскими домами, вблизи шумело зеленое море соснового бора. Плыли облака, перекликаясь, пели птицы.

Тан Шэнь стоял на вершине горы, замерев на долгое время.

Наконец он громко прокричал в пустоту:

— Высишься ли ты горой, шествуешь ли великим путем — пусть я не в силах достичь этих вершин, но всем сердцем стремлюсь к ним!

— «Цзин» означает величие.

— «Цзэ» означает разум и истину.

— Учитель, вы знали, что я всегда следил за своими словами и поступками, но я также вечно трусил и осторожничал. Даже если на словах я выказывал благородные помыслы, у меня никогда не было великих амбиций. Я пекся лишь о собственном благополучии, не заботясь о судьбе всей страны.

— Цзинцзэ, Цзинцзэ!

Тан Шэнь открыл рот, но слова застряли в горле.

<http://bllate.org/book/18292/1754479>